

УДК 911.6

А.С. Титков

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На примере Европейской России на рубеже XIX—XX вв. рассматривается важная для теории районирования проблема зависимости методики от объективных свойств территории (районируемости). Из сравнения сеток районирования, разработанных авторами конца XIX — начала XX в., делается вывод о различиях в районируемости западной, центральной и восточной частей Европейской России в изучаемый период. Предложенная в статье модель-«решетка», отражающая широтные и меридиональные градиенты территории, проверяется на материале выборов в Государственную думу в начале XX века.

Ключевые слова: районируемость, выборы в Государственную думу в 1906—1912 гг.

Введение. В отечественной теории и практике районирования период конца XIX — начала XX в. считается классическим, своего рода золотым веком. Обращаясь к этому периоду, мы обнаруживаем интересные находки, глубокие дискуссии по теории и методике районирования и одновременно постоянные сожаления о том, что главная задача — создание правильной, практичной и всеми признанной сетки районов — до сих пор не решена [3, 11, 14, 21]. Конструктивистские теории советского времени, основанные на идее, что районирование должно не столько отражать действительность, сколько создавать ее и переделывать [5], задали географии новую задачу, но не решили старую, оставшуюся от предшественников.

Для современной географии выборов характерен парадоксальный разрыв между теоретическими, нормативными заявлениями о чрезвычайной важности районирования при географическом изучении выборов [2, 7, 9, 19] и реальной исследовательской практикой, в которой районированию отводится гораздо более скромное место. Вместо районирования используются, как правило, положенные на карту *типологии* по политическим предпочтениям. Группы регионов со сходным типом голосования оказывались, как правило, географически слитными, компактными и устойчивыми от выборов к выборам: «красный пояс», «северные реформаторские» регионы, «протестные дальневосточные» регионы и др. Такой подход успешно работает в пределах одной *электоральной эпохи*, пока сохраняется и воспроизводится одна и та же политическая расстановка, но он начинает давать сбой после критических (перегруппирующих) выборов, приводящих к существенным изменениям в партийной системе, — именно такие произошли в России на рубеже 1990-х и 2000-х гг. (подробнее см. [18]). Наиболее проработанные географические исследования выборов в России сводятся в результате не к набору регионов с уникальными характеристиками, а к сжатым схемам территориальной структуры с указанием на существующие градиен-

ты и контрасты [9, 12]. Показательно, что уже в самой первой монографической работе по географии выборов «Весна 89» (1990) ее авторы замечали, что при выборах 1989 г. об электорально-географических районах можно говорить лишь с известной долей условности, тогда как зональные структуры, прежде всего «Север—Юг», бросаются в глаза и представляют собой отчетливую картину [4, с. 107, 111, 125].

Изучение выборов в Государственную думу за 1906—1912 гг. привело автора статьи к выводу, что основные географические закономерности этих выборов в губерниях Европейской России нагляднее всего можно изобразить в виде поля с градиентом политических предпочтений «Запад—Восток» («Северо-Запад—Юго-Восток»). Попытки выделить на той же территории однородные районы с устойчивыми характеристиками политических предпочтений оказались, наоборот, малоуспешными. Для того чтобы решить задачу порайонного сравнения политических предпочтений, необходимо было обратиться к опыту хозяйственного районирования в конце XIX — начале XX в.

В ситуации, когда, с одной стороны, нельзя назвать одну самую безусловно достоверную (или признанную) версию деления на районы, а с другой — нет оснований не доверять знаниям и навыкам составителей большинства районных сеток конца XIX — начала XX в., автором была поставлена задача составить *усредненную сетку районов*, которая отражала бы самые значимые совпадения, выявленные при сравнении различных опытов районирования в изучаемый период. За рабочую гипотезу был взят тезис Б.Н. Книповича, что сопоставление ряда сеток районирования выявит несовпадения границ в переходных зонах и совпадения основных ядер районов. Такой результат позволил бы сравнить политические предпочтения, характерные для «ядерных» и «переходных» губерний, наметить ареалы тяготения к различным ядрам.

В работе Б.Н. Книповича [8] были сделаны парные сравнения ряда сеток районирования. Столк-

нувшись с существенными расхождениями между различными районными сетками, Б.Н. Книпович предположил: "Если невозможно наметить районы, сколько-нибудь общие для всех попыток районирования, то встает вопрос: нельзя ли наметить основные центры, пятна районов, совпадающие у большинства исследователей" [там же]. Проводя парные сравнения, Б.Н. Книпович каждый раз получал один и тот же результат: "Снова отчетливо вырисовываются центры районов и снова наблюдаются значительные расхождения в границах районов" [там же]. Как следствие он пришел к выводу, что речь может идти лишь о создании центров районов, т.е. подтвердил свое исходное предположение. В дальнейшем его вывод был общепринят среди экономикогеографов и получил развитие, в частности, в концепции "безграничного районирования" Л.В. Смирнягина [17].

Использованные материалы. В работе набор секторных районов для сравнения получен методом "снежного кома". Были взяты источники, упомянутые Б.Н. Книповичем [8], в том числе обзоры Н.П. Никитина [11], Д.И. Рихтера [14] и А.Ф. Фортунатова [21], из них выбирались все ссылки на другие работы по районированию, и так далее по цепочке. Основным критерием для включения в выборку было отношение современников, которые считали данную работу опытом хозяйственного районирования и обсуждали ее именно в таком качестве. Указанный подход предполагает, в частности, отсутствие жесткого разделения районных сеток на научные и прикладные, на экономические и природные, отсутствие резкого различия между районированием и типологией.

Кроме признания современников, т.е. упоминания в других работах по районированию, сетка районирования для включения в выборку должна была отвечать еще двум формальным признакам: а) сетка составлена в период от начала 1870-х гг. до конца 1910-х гг.; б) районы состоят из целых, "неразрезанных" губерний, границы районов проведены по границам губерний. Последнее условие, связанное с характером имеющейся статистики выборов, отсекает большинство работ по природному районированию, проводившемуся, как правило, без оглядки на административные границы.

В выборку в результате вошли районные деления В.Ф. Де-Ливрона (1871), Н.Н. Мосолова (1871), П.П. Семенова-Тян-Шанского ("Статистика поземельной собственности" (1880—1886), "Полное географическое описание нашего Отечества" (1899—1914)), В.И. Ковалевского (1880), В.О. Струве (1884), А.Ф. Фортунатова (1893, 1899), Д.И. Менделеева (1893, 1906), Н.Г. Кулябко-Корецкого (1897), Д.И. Рихтера

(1898), А.М. Золотарева ("Города России в 1904 году", "Статистика земледелия за 1905 год"), А.Н. Челинцева (1910), сетки районирования департамента земледелия (1881), департамента неокладных сборов (1881), отдела сельскохозяйственной экономики (1894), районы из словаря братьев Гранат (1896), из учебников К.П. Смирнова (1895) и А. Баранова (1894).

Расчет совпадений и несовпадений между районными сетками проводился по таблице, в которую были внесены все границы между соседними губерниями Европейской России (всего 124). Для каждой из них отмечалось, проведена ли по ней разделительная линия между районами¹. Группы губерний, внутри которых границы между районами проводились редко (менее чем в 1/4 случаев) или не проводились вовсе, принимались за *ядра районов*.

В результате проведенного сравнения обнаружилось, что совпадения и несовпадения между сетками районов распределены по Европейской России неравномерно, причем в этой неравномерности обнаруживается своя упорядоченность (рис. 1). Западная полоса губерний делится на районы (Юго-

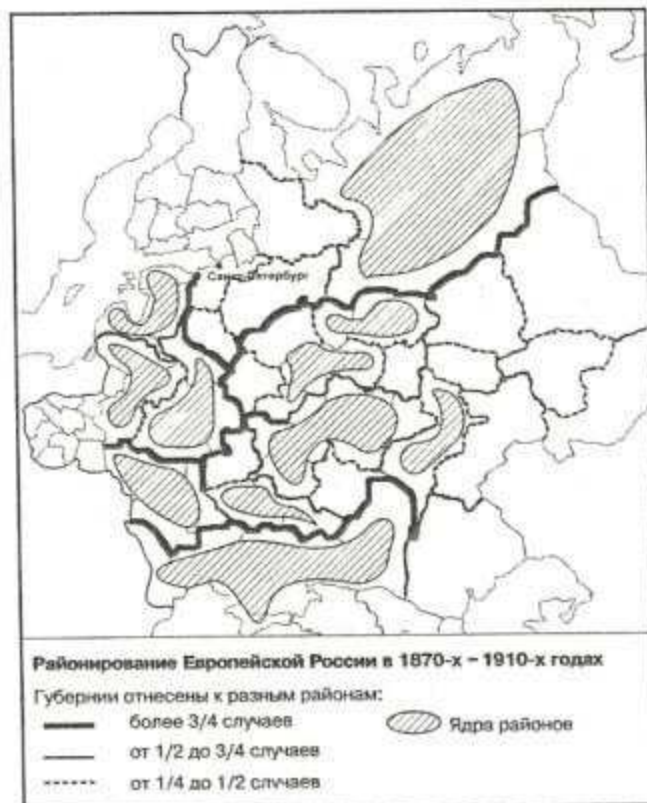

Рис. 1. Сравнение сеток районирования Европейской России в конце XIX — начале XX в.

¹ Dummy-переменные: "0" — границы между районами нет, "1" — граница между районами есть. Оценка не ставилась для Уфимской губернии в сетке районов В.Ф. Де-Ливрона (1871) и области Войска Донского в сетке районов П.П. Семенова-Тян-Шанского (1880), поскольку они были исключены из этих схем районирования.

Западный край, Северо-Западный край), состав и границы которых не вызвали сколько-нибудь существенных споров. В восточной, заволжской части Европейской России картина прямо противоположная. Здесь противоречия между авторами особенно велики, поэтому не приходится говорить ни о сколько-нибудь признанных границах, ни тем более о каких-либо устойчивых ядрах районов. Центральная полоса губерний представляет собой промежуточный случай. Именно к ней больше всего подходит концепция “безграничного районирования”, выделения районов в виде ядер с размытыми границами.

В работах конца XIX — начала XX в. есть достаточно подсказок, чтобы объяснить такую закономерность. Повышенную потребность в работах по районированию в России по сравнению с другими европейскими странами В.Г. Бажаев и М.Ф. Владимирский объясняют тем, что в Европе в течение многих веков естественным путем образовались определенные культурно-исторические области со своим культурно-историческим укладом [5, с. 56], которые могут до известной степени заменять хозяйственные районы [1, с. 7]. Районы западной части Европейской России (Прибалтийский, Юго-Западный) примерно в таких же выражениях описываются А.Ф. Фортунатовым [21], который называет их районами установившимися [там же, с. 9], или с исторической подкладкой [там же, с. 12]. Больше нигде в Европейской России в рассматриваемых нами границах А.Ф. Фортунатов таких районов не обнаруживает. Пользуясь терминологией Л.В. Смирнягина [17], можно сказать, что *районируемость*² Европейской России в западной и восточной частях существенно различается.

Подобное различие проще всего объяснить по аналогии с разницей Европа—Россия: в западной части наиболее значимыми факторами географической дифференциации оказываются культурно-исторические и экономические, а по мере продвижения на восток важнее становятся природные факторы. Последнее означает также, что для восточной части Европейской России дифференциация территории будет носить в большей степени зональный, полосовой характер³.

С точки зрения теории районирования такой вывод скорее всего означает, что лучше всего географическую структуру Европейской России начала XX в. отразило бы такое деление, в котором на западе выявлялись культурно-исторические “районы-индивидуальности”, а дальше к востоку различия превращались бы из районных в зональные. Попытки подобного деления Европейской России на единицы разных типов изредка делались, правда, без подробного теоретического обоснования⁴. Качественные различия “Запад—Восток” выражаются в них в номенклатуре выделяемых географических единиц. Известны по крайней мере три варианта географического членения Европейской России⁵, в которых Великороссия делится на три полосы — нечерноземную, черноземную и степную (на карте И.В. Сабурова — северная, средняя и южная), а более западная часть — на группы губерний, иногда называемые *краями*: Прибалтика, Малороссия, Новороссия, Юго-Западный и Северо-Западный край.

Знакомство с опытом экономического районирования позволяет сделать вывод, что деление на широтные (черноземная — нечерноземная) и меридиональные (западная — центральная — восточная) полосы создает для Европейской России начала XX в. упорядоченность более общую, чем привычная мозаика районов.

По оценке Т.Г. Нефедовой [11, с. 291], для авторов начала XX в. “*принцип широтно-меридиональной дифференциации территории Европейской России оказался универсальным* (курсив мой. — А.Т.), выявляя очень характерные различия в организации местности и функционирования хозяйства”. Линия раздела между черноземной и нечерноземной частями признается основной, базовой для Европейской России в известном районировании П.П. Семенова-Тян-Шанского (“Статистика поземельной собственности”, 1880—1886), послужившем образцом для ряда последующих районных сеток. К такой же схеме — сначала деление на черноземную и нечерноземную полосы, затем каждая из полос разбивается на районы — пришел А.Н. Челинцев в своих последних опытах сельскохозяйственного районирования [22, 23]. Похожей ло-

² Под районированностью Л.В. Смирнягина понимает в первую очередь очевидность или затрудненность выявления территориальных частей страны, приблизительное число ячеек (районов) и их взаиморасположение [17].

³ В обзоре Б.Н. Книповича отмечается, что похожие различия “Запад—Восток” отмечал, к примеру, тобольский агроном Н.Л. Скалозубов: “Если для Привисленского края экономические признаки зачастую покрывают собой признаки естественно-исторического порядка, то для Тобольского края приходится, напротив, отмечать фотографически точное отражение естественно-исторических признаков в чертах местного хозяйства” [8].

⁴ Экономико-географическое деление Европейской России на зональные и азональные торгово-промышленные полосы обосновывается В.П. Семеновым-Тян-Шанским в сборнике “Торговля и промышленность Европейской России по районам” (1911), но выделяемые им азональные полосы (районы) приурочены в основном к промышленным районам и не имеют сколько-нибудь выраженного тяготения к западной полосе губерний.

⁵ “Хозяйственная карта Европейской России” И.В. Сабурова (1858), “Очерк экономического быта земледельческого населения Европейской России” князя А.И. Васильчикова (1876), статья А.С. Ермолова “Очерк экономического быта земледельческого населения Европейской России” в дополнение ко второму выпуску V тома (“Европейская Россия”) “Всеобщей географии” Э. Реклю [3, с. 124—134].

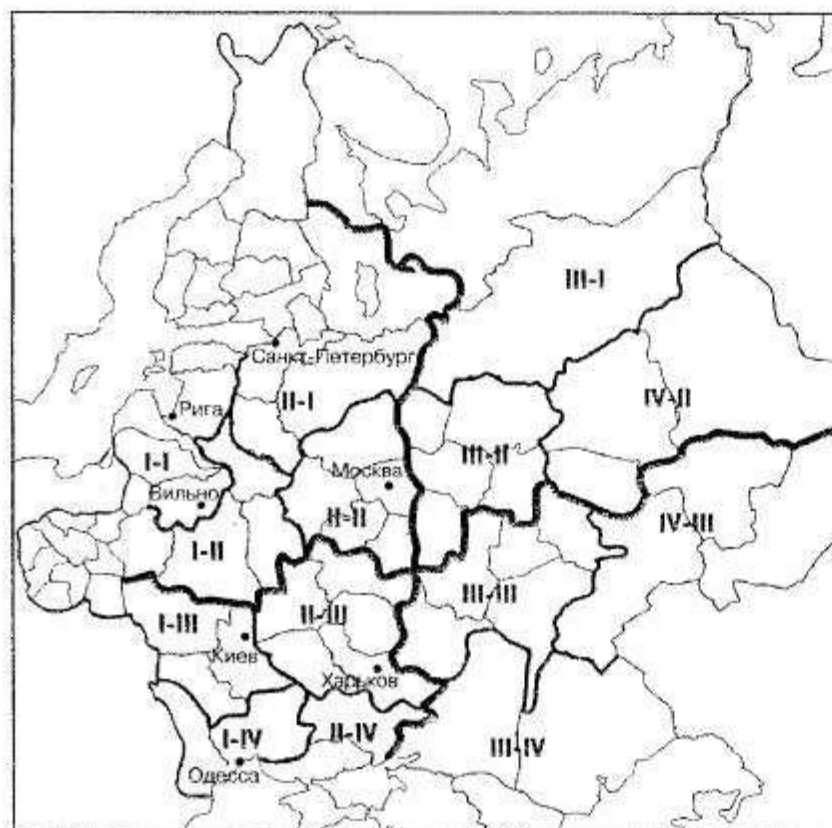

Рис. 2. Модель широтно-региональной дифференциации Европейской России

гике следует В.П. Семенов-Тянь-Шанский [16, с. 35] при создании географической типологии поселений в Европейской России: северный, центральный (“центральный и северо-западный”) и южный типы, разделенные затем на западный и восточный подтипы.

Особенно ярко такое строение пространства Европейской России подчеркивается в очерке А. Геттнера [6]. Упорядоченность природных и хозяйственных характеристик “крупными широкими штрихами”, “однообразное строение” и поясное расчленение климата, почв и растительности, противоположенные “пестрому разнообразию” и “мозаичной пестроте” европейских ландшафтов, названы им самыми важными для антропогеографической характеристики Европейской России: “Эта однородность и однообразие ландшафта соответствуют однородности и однообразию человеческой жизни и культуры. Широкие, простирающиеся через всю страну пояса имеют те же произведения” [6, с. 12–13]. Как следствие географическое деление Европейской России А. Геттнер изображает в виде набора широтных поясов, упорядоченных в свою

очередь меридиональными градиентами.

Из всех рассмотренных схем районирования Европейской России одновременное влияние широтной и меридиональной упорядоченности особенно четко выражается в “геометрическом делении” А.Ф. Фортунатова, предполагающем “распределение 50 губерний по 4 группам с помощью меридиана и параллели, проходящих через Москву” [21, с. 11–12]. Для задач исследования была предложена модель, представляющая собой более дробный вариант схемы А.Ф. Фортунатова: каждая из четырех ячеек была тоже поделена на четыре примерно равные части по широте и долготе.

Получившиеся в результате такого деления четырнадцать ячеек широтно-меридиональной решетки по размеру и составу примерно похожи на районы из разбиравшихся выше сеток районирования⁶ (рис. 2). Разница заключается прежде всего в отношении к выделенным географическим ячейкам. В концепции “безграничного районирования” значимым считается выделение ядер районов, а их границы оказываются не так важны. Для ячеек широтно-меридиональной решетки такими же условными оказываются и ядра районов, точнее, в такой модели вообще отказываются от понятия “ядро” как выражения самых характерных признаков данного района, его сущности. Главное назначение схемы-решетки — отразить последовательное чередование полос и ячеек в заданных направлениях, широтном и меридиональном.

Положенное в основу идеи о широтно-меридиональной решетке представление о том, что характеристики каждой ячейки образуются прежде всего сочетанием свойств, заданных широтными и меридиональными градиентами, т.е. положением на пересечении широтной и меридиональной полос, было проверено на примере политических предпочтений, выраженных в баллах по шкале “левые—правые”⁷.

Сравнивались средние значения “левого—правого” индекса для каждой ячейки с расчетными значениями, которые вычислены как среднее арифметическое между средними значениями индекса для широтной и меридиональной полос, образу-

⁶ В двадцати сетках районирования, включенных в выборку, выделяется в среднем по 9,9 района, с разбросом от 4–5 районов в делениях А.Ф. Фортунатова, К.П. Смирнова, А.М. Золотарева (сборник “Города России”) и словаря Гранат до 15–16 районов в сетках Н.Г. Кулябко-Коренского и Д.И. Рихтера.

⁷ Значения баллов: 1 — левые; 2 — трудовики; 3 — кадеты; 4 — прогрессисты; 5 — октябристы; 6 — умеренно правые, националисты; 7 — правые.

ющих данную ячейку⁸, другими словами, собственные и позиционные показатели партийных предпочтений⁹. Первый способ расчета выводит политические предпочтения из собственных сущностных характеристик ячейки, второй — из ее места в общей структуре.

Расчет показывает (рис. 3), что, во-первых, рисунки пространственной упорядоченности собственных и наведенных значений близки к полному совпадению; а во-вторых, что собственный и расчетный индексы для большинства ячеек отличаются очень незначительно. Только в 1/8 всех случаев расхождение составляет > 0,5 балла (0,6–0,8 балла), еще в 1/8 случаев отмечается разница в 0,4–0,5 балла. Кроме того, в выявленных расхождениях тоже обнаруживается зональная упорядоченность. Превышение собственных значений над расчетными характерно исключительно для первой меридиональной полосы (Рига—Кишинев). Обратное соотношение, характерное для трех других меридиональных полос, приурочено к двум южным широтным полосам — третьей черноземной (Житомир—Оренбург) и четвертой степной (Кишинев—Астрахань). Такие результаты служат дополнительным доводом в пользу предложенной модели геометрического деления Европейской России, которую можно считать своего рода “периодической системой” географии партийных предпочтений в начале XX в.

Заключение. Описанные характеристики районированности Европейской России начала XX в. приближают нас к объяснению того, почему задача районирования представлялась авторам рубежа XIX—XX вв. настолько важной и ответственной и почему она оказалась в результате настолько трудновыполнимой и, по оценке ряда авторов, нерешенной. Обнаружить и выделить объективно существующие районы там, где они, по большому счету, еще не появились (не зародились или не созрели, если воспользоваться популярными у многих географов биологическими метафорами) — заве-

домо нерешаемая, но смелая задача, на которую может замахнуться только настоящая наука. Поставив перед собой такую задачу, отечественная школа районирования достигла многого, но не желаемого результата.

Для ученых рубежа XIX—XX вв. было невозможно отказаться от выделения районов и заменить их другими способами отражения географической дифференциации: их работа была откликом на практические хозяйственные запросы того времени, требовавшие именно районов, а не чего-либо другого¹⁰. Для современных географов, решающих другие исследовательские задачи, такие жесткие ограничения перестают быть обязательными, а уход от привычных представлений о районах может оказаться полезным продуктивным решением.

⁸ По такой же методике Н.В. Петров и А.С. Титков [12, с. 25–29] рассчитали значения ячеек “идеального электорального ландшафта” для думских выборов 2003 г.

⁹ Обозначение “позиционный” следует терминологии Б.Б. Родомана, который ввел понятия “позиционные свойства” вещей и “позиционное давление”, создаваемое силовыми линиями географического поля [15, с. 76–82].

¹⁰ О ярко выраженной практической (хозяйственной, управленческой) направленности работ по районированию на рубеже XIX—XX вв. см. работы [14, 16, 20].

Выборщики, Вторая дума

	1	2	3	4	
1	4,2	4,2	4,0	—	4,1
2	4,7	4,2	3,9	3,7	4,1
3	4,9	4,2	3,7	3,9	4,2
4	4,4	3,6	3,6	—	3,8
	4,6	4,1	3,8	3,8	

Выборщики, Третья дума

	1	2	3	4	
1	5,1	4,7	4,8	—	4,9
2	5,4	5,1	4,6	4,5	4,9
3	5,4	5,4	4,9	4,2	5,1
4	5,9	4,6	4,8	—	5,2
	5,4	5,1	3,8	3,8	

Выборщики, Четвертая дума

	1	2	3	4	
1	4,4	5,2	4,6	—	4,8
2	5,5	5,1	4,9	4,7	5,1
3	5,9	6,5	5,3	4,6	5,4
4	5,7	4,9	4,2	—	5,0
	5,5	5,3	4,9	4,6	

Выборщики, Вторая дума (расчетные)

	1	2	3	4	
1	4,4	4,1	4,0	4,0	4,1
2	4,4	4,1	4,0	4,0	4,1
3	4,4	4,2	4,0	4,0	4,2
4	4,2	4,0	3,8	3,8	3,8
	4,6	4,1	3,8	3,8	

Выборщики, Третья дума (расчетные)

	1	2	3	4	
1	5,2	5,0	4,9	4,6	4,9
2	5,2	5,0	4,9	4,6	4,9
3	5,3	5,1	5,0	4,7	5,1
4	5,3	5,2	5,0	4,8	5,2
	5,4	5,1	4,8	4,3	

Выборщики, Четвертая дума (расчетные)

	1	2	3	4	
1	5,2	5,1	4,9	4,7	4,8
2	5,3	5,2	5,0	4,9	5,1
3	5,5	5,4	5,2	5,0	5,4
4	5,3	5,2	5,0	4,8	5,0
	5,5	5,3	4,9	4,6	

Рис. 3. Собственные и позиционные (расчетные) значения политических предпочтений выборщиков на думских выборах в Европейской России в начале XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бажаев В.Г.* К вопросу о хозяйственных районах. Киев: Т-во "Печатня С.П. Яковлева", 1915.
2. *Белов А.А.* Факторы территориальной дифференциации электорального поведения населения России: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 2005.
3. *Вальская Б.А.* Обзор опытов районирования России с 1861 по 1917 г. // Неизвестные и малоизвестные страницы отечественного районирования / Ред. В.Л. Бабурич. М.: ЛЕНАНД, 2006.
4. *Весна 89: География и анатомия парламентских выборов.* М.: Прогресс, 1990.
5. *Вопросы экономического районирования СССР: Сб. материалов и статей (1917–1929 гг.)* / Ред. Г.М. Крижановский. М.: Госполитиздат, 1957.
6. *Геттнер А.* Европейская Россия: Антропогеографический этюд / Пер. Л.Д. Синицкого. М.: Изд-е журнала "Землеведение", 1907.
7. *Жидкин А.П.* Территориальные различия в структуре и динамике электоральных предпочтений населения России: Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 2002.
8. *Клипович Б.И.* К методологии районирования // Тр. отдела сельскохоз. экономии и статистики. М.: ГИЗ, 1921.
9. *Колосов В.А.* Политическая география: проблемы и методы. Л.: Наука, 1988.
10. *Нефедова Т.Г.* Хозяйство российской деревни и население // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти В.П. Семенова-Тян-Шанского. М.: ОГИ, 2001. С. 285–315.
11. *Никитин Н.П.* Исторический опыт разделения Европейской России на хозяйственные районы // Народное хозяйство. 1920. № 13–14. С. 12–18.
12. *Петров Н.В., Титков А.С.* Электоральный ландшафт // Регионализация в развитии России: географические процессы и проблемы / Ред. А.И. Трейвиш, С.С. Артоболевский. М.: УРСС, 2001. С. 214–255.
13. *Петров Н.В., Титков А.С.* Электоральный ландшафт России и выборы в Государственную думу 2003 г.: пространственно-временной анализ электоральной динамики // Изв. РАН. Сер. геогр. 2004. № 3. С. 18–31.
14. *Рихтер Д.И.* Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам // Тр. Вольного экономического общества. Т. II. 1898. № 4.
15. *Родман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети: Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
16. *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами // Зап. Имп. Русско-го геогр. об-ва по отделению статистики. Т. X. Вып. 2. СПб.: Тип. В.Ф. Кирибаума, 1910. С. 1–212.
17. *Смирнягин Л.В.* Районирование общества: теория, методология, практика: Автореф. докт. дис. М.: МГУ, 2005.
18. *Титков А.С.* Россия 2000-х годов: новая партийная система, новая политическая география // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты / Ред. Т.Е. Ворожейкина. М.: МВШСЭН, 2004. С. 107–115.
19. *Туровский Р.Ф.* Политическая география. М.: Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 1999.
20. *Туровский Р.Ф.* Региональные аспекты общероссийских выборов // Второй электоральный цикл в России. М.: Весь мир, 2002. С. 186–214.
21. *Фортунатов А.Ф.* К вопросу о сельскохозяйственных районах в России. СПб.: Тип. В. Демакова, 1896.
22. *Челинцев А.Н.* Сельскохозяйственная география России. Берлин, 1923.
23. *Челинцев А.Н.* Русское сельское хозяйство перед революцией. М.: Новый агроном, 1928.

Высшая школа экономики (ГУ–ВШЭ).
ст. преподаватель, канд. геогр. н.,
e-mail: a.titkov@regionalistica.ru

Поступила в редакцию
18.07.2008

A.S. Titkov

SOCIAL ECONOMIC REGIONALIZATION OF EUROPEAN RUSSIA IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

A common problem of regionalization methodology dependence on specific features of a territory ("possibility of zoning", according to L. Smirnyagin) is discussed using European Russia as an example. After studying the regionalization schemes developed in the end of the 19th century and the beginning of the 20th century (the classical period of regionalization theory in Russia) it was concluded that the possibility of zoning is different for the western, central and eastern parts of European Russia. A grid model has been suggested which reflects latitudinal and longitudinal gradients of the territory. The model has been tested using the materials on the State Duma elections in the beginning of the 20th century.

Key words: regionalization theory, European Russia, zoning, grid model, "East-West" gradient.